

В.Ю. Дунаев* , В.Д. Курганская

Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: vlad.dunaev2011@yandex.kz

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В статье обсуждается ряд мировоззренческих и концептуально-методологических вопросов, связанных с разработкой новой модели социальной политики Республики Казахстан. Во введении раскрывается актуальность темы статьи через обращение к ряду принципиальных положений, сформулированных главой государства К.К. Токаевым в его выступлении на заседании Мажилиса Парламента Республики Казахстан 11 января 2022 года. В первом разделе обосновывается тезис о том, что интегральным критерием эффективности социальной политики государства является повышение качества жизни населения страны. Делается вывод о том, что в мониторинге качества жизни в равной степени необходимо выявлять как субъективные оценки, так и объективные параметры материальной и духовной сферы социальной жизнедеятельности. Во втором разделе выстраивается нормативно-описательная аксиология понятия «хорошее общество». Раскрывается его отличие от утопических концептов «идеального общества». В третьем разделе раскрывается диалектика соотношения правового и социального государства. В заключении формулируются выводы проведенного исследования. Основной вывод состоит в том, что повышение качества жизни основной массы населения, создание «хорошего общества» и становление социального правового государства является триединой задачей нового этапа социальной политики Республики Казахстан. Её решение должно стать стратегическим приоритетом комплексной модернизации казахстанского общества.

Ключевые слова: социальная политика, качество жизни, хорошее общество, правовое государство, социальное государство.

V. Dunaev*, V. Kurganskaya

Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the CS MES RK, Kazakhstan, Almaty

Key concepts for the new model of social policy of the Republic of Kazakhstan

The article discusses a number of ideological and conceptual and methodological issues related to the development of a new model of social policy of the Republic of Kazakhstan. The introduction reveals the relevance of the topic of the article through an appeal to a number of fundamental provisions formulated by the head of state K.K. Tokaev in his speech at a meeting of the Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan on January 11, 2022. The first section substantiates the thesis that an integral criterion for the effectiveness of the social policy of the state is to improve the quality of life of the country's population. It is concluded that in monitoring the quality of life it is equally necessary to identify both subjective assessments and objective parameters of the material and spiritual spheres of social life. In the second section, a normative and descriptive axiology of the concept of "good society" is built. Its difference from the utopian concepts of the "ideal society" is revealed. The third section reveals the dialectics of the relationship between the right and the social state. In conclusion, the conclusions of the study are formulated. The main conclusion is that improving the quality of life of the bulk of the population, the creation of a "good society" and the formation of a social legal state is a triune task of a new stage of the social policy of the Republic of Kazakhstan. Its solution should become a strategic priority for the comprehensive modernization of Kazakhstani society.

Key words: social policy, quality of life, good society, rule of law, welfare state.

В.Ю. Дунаев*, В.Д. Курганская

ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: vlad.dunaev2011@yandex.kz

Қазақстан Республикасы әлеуметтік саясатының жаңа моделінің түйінді ұғымдары

Мақалада Қазақстан Республикасы әлеуметтік саясатының жаңа моделін әзірлеумен байланысты бірқатар дүниетанымдық және тұжырымдамалық-әдіснамалық мәселелер талқыланады. Кіріспеде Мемлекет басшысы Қ.Қ. Тоқаевтың 2022 жылғы 11 қаңтарда Қазақстан Республикасы Парламенті Мәжілісінің отырысында сөйлеген сөзінде тұжырымдаған бірқатар қағидатты ережелерді негізге ала отырып мақала тақырыбының өзектілігі ашылады. Бірінші бөлімде мемлекеттік әлеуметтік саясаттың тиімділігінің интегралды критерийі халықтың өмір

сүру сапасын жақсарту болып табылады деген тезис негізделген. Өмір сүру сапасын бақылау кезінде әлеуметтік өмірдің материалдық және рухани саласының субъективті бағаларын да, объективті параметрлерін де анықтау қажет деген қорытынды жасалады. Екінші бөлімде «жақсы қоғам» ұғымының нормативтік-сипаттамалық аксиологиясы құрылады. Оның «идеалды қоғам» утопиялық тұжырымдамаларынан айырмашылығы ашылады. Үшінші бөлімде құқықтық және әлеуметтік мемлекеттің арақатынасының диалектикасы көрсетіледі. Қорытындыда жүргізілген зерттеудің қорытындылары тұжырымдалады. Негізгі қорытынды бойынша халықтың негізгі бөлігінің өмір сүру сапасын арттыру, «жақсы қоғам» құру және әлеуметтік құқықтық мемлекет қалыптастыру Қазақстан Республикасының әлеуметтік саясатының жаңа кезеңінің үштұғырлы міндеті болып табылады. Оны шешу қазақстандық қоғамды кешенді жаңғыртудың стратегиялық басымдығына айналуы тиіс.

Түйін сөздер: әлеуметтік саясат, өмір сапасы, жақсы қоғам, заң үстемдігі, әлеуметтік мемлекет.

Введение

Значительное место в своём выступлении на заседании Мажилиса Парламента Республики Казахстан 11 января 2022 года глава государства К.К. Токаев уделил мерам изменения социальной политики государства. Это закономерно, поскольку именно деградация социальной сферы стала решающим фактором формирования социальной базы протестных настроений и действий.

К. Токаев заявил: «Следует признать, что произошедшие трагические события во многом вызваны серьёзными социально-экономическими проблемами и неэффективной, а точнее, провальной деятельностью некоторых государственных органов» (Выступление...). Эта констатация верна, но за ней нужно видеть реальный исток социально-экономических проблем: системный кризис, структурно деструктивный характер социальной политики. Мы позволим себе привести цитату из нашей работы, опубликованной ещё в 2010 г.: «В условиях социальной и экономической незащищённости основной массы населения только традиционно высокий уровень толерантности казахстанцев позволяет сохранять социальную стабильность. Однако продолжающееся увеличение разрыва в качестве жизни может привести к переходу критической точки, за которой неминуемо последует социальный взрыв» (Курганская и др. 2010: 6). В подготовленных казахстанскими экспертами многочисленных аналитических записках и докладах властным органам были представлены аналогичные выводы. Однако, как сказал К.К. Токаев: «У представителей властных структур сформировалось искажённое представление о жизни людей, их чаяниях и запросах» (Выступление...). Поэтому усугубляющаяся из года в год проблема социального неравенства, имущественного расслоения в обществе дружно игно-

рировалась политическим истеблишментом, живущим иллюзиями о незыблемости своего статуса касты ақ сүйек (людей «белой кости»).

Созданная в Казахстане система *олигополии* (К. Токаев) предопределила формирование такой системы распределения национального богатства, при которой «ключевыми выгодоприобретателями экономического роста стали финансово-олигархические группы» (Выступление...) и тесно переплетённые, сросшиеся с ними управленческие структуры. Между тем, как предупреждал ещё Аристотель, «Самое главное при всяком государственном строе – это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться» (Аристотель 1984: 547). В противном случае госаппарат, являющийся «двигателем и исполнителем реформ» (Выступление...), будет продвигать и исполнять только такие реформы и только в таком виде, который отвечает его корпоративным интересам.

К.К. Токаев перечислил ряд конкретных мер по реализации нового подхода к решению социальных проблем, к изменению социальной политики. В их числе: повышение, с учётом возможностей государственного бюджета, заработной платы госслужащим и бюджетникам; стабилизация розничных цен и снижение темпов инфляции; разработка программы повышения доходов и снижения бедности населения; снижение уровня безработицы; учреждение общественного социального фонда «Қазақстан халқына», финансируемого из частных и государственных источников; разработка и принятие казахстанского Социального кодекса, в рамках которого будет происходить трансформация социальной политики. Эти меры, в случае их реализации, смогут существенно улучшить положение в социальной сфере. Однако отдельные социальные меры не смогут компенсировать отсутствие ком-

плексной, системной концепции социальной политики.

Теоретико-методологическим основанием перехода к новым принципам, механизмам и институциональным формам социальной политики должна стать разработка и адаптация к специфическим условиям Казахстана ряда концептов современного социально-философского, культурологического и политико-социологического дискурса. В статье обосновывается положение о том, что ключевыми понятиями, образующими теоретико-методологический каркас новой концептуальной модели социальной политики Республики Казахстан, являются понятия «качество жизни», «хорошее общество», «социальное государство».

Обоснование выбора темы

Выдвинутая главой государства К.К. Токаевым программа строительства Нового Казахстана направлена на формирование в Казахстане открытого, динамично развивающегося общества. Общее благо, повышение уровня и качества жизни людей, социальная защищённость граждан, их физическое и духовно-нравственное здоровье, расширяющиеся возможности самореализации личности становятся главной целью и определяющим мотивом деятельности государства. В этой связи разработка новой модели социальной политики становится одним из главных приоритетов социогуманитарных исследований отечественного научно-экспертного сообщества. Данным обстоятельством обусловлен выбор темы настоящей статьи.

Цели и задачи

Целью статьи является обоснование необходимости перехода к новым принципам, механизмам и институциональным формам социальной политики, отвечающей стратегическому курсу на строительство Нового Казахстана. Задачами статьи является проведение социально-философского анализа ключевых понятий новой модели социальной политики Республики Казахстан: «качество жизни», «хорошее общество», «социальное государство».

Методология и выбор источников

Предметом исследования в настоящей статье являются содержательные определения, смыс-

ловые контексты и ценностные аспекты ряда понятий современного философского, социально-теоретического, культурологического, социологического, политологического дискурса: качество, уровень, образ жизни; «хорошее общество»; правовое государство; социальное государство. Соответственно используются методы логического, семантического, аксиологического анализа понятий.

В исследовании особенностей социальной сферы, принципов и моделей её нормативной регуляции применены методы структурно-функционального и институционального анализа.

Выбор литературных источников продиктован целью, задачами и предметом исследования.

Результаты и дискуссия

1 Повышение качества жизни населения – интегральный критерий эффективности социальной политики.

Одним из последствий перехода к экономике рыночного типа является то, что общее благо, общие интересы, единые ценности и цели более не выступают надёжными скрепами социального мира, базисными структурами культурного и социально-политического пространства. Поэтому закономерно, что в современном Казахстане усиливаются тенденции к релятивизации, фрагментации, дроблению социокультурной реальности. С одной стороны, рыночный тип экономики вынуждает её агентов быть терпимыми к проявлениям инакомыслия, к культурным различиям, к многообразию политических убеждений и конфессиональных догматов и т.д. С другой стороны, не следует придавать формально-правовому равенству субъектов рыночных отношений и мировоззренческому плюрализму рыночной идеологии значение духовно-нравственных критериев развития общественного целого.

Возможности и ограничения общественных преобразований определяются не только экономическим и научно-технологическим потенциалом данного конкретного общества, но также качеством и степенью развития социального, культурного и человеческого капитала, коим оно располагает. Вместе с тем социальные преобразования должны проводиться, в конечном счёте, в интересах человека и для человека. Таким образом, качество жизни становится как плацдармом и исходным пунктом, так и целью общественного развития, определяет его содержание, смысл, приоритеты, возможности, грани-

цы. Именно повышение качества жизни основной массы граждан Казахстана должно стать интегральным критерием эффективности социальной политики государства. Тем самым ставится вопрос о формировании нового качества самой внутренней политики. Общее благо, уровень и качество жизни людей, социальная защищённость граждан, их физическое и духовно-нравственное здоровье, расширяющиеся возможности самореализации личности, приложения ею своих сил, способностей и талантов становятся главной целью и определяющим мотивом деятельности государства, а также универсальным критерием её оценки обществом в целом и всеми его группами.

В свою очередь, качество жизни населения страны в целом и его отдельных групп определяется особенностями таких социальных параметров, как достигнутый уровень экономического развития, характер социальной стратификации, существующие в данном конкретном обществе и его отдельных социальных слоях религия, мораль, обычаи, традиции, потребности, ценностные ориентации, характер политической системы, степень консолидированности общества, социально-психологический климат и т.д. Многомерности и разносторонности человеческой сущности может адекватно соответствовать лишь столь же многомерная социальная среда жизнедеятельности человека, его личностного развития и самореализации.

В специальной литературе приводится ряд определений качества жизни, основанных на субъективной самооценке. Одним из наиболее известных в этом ряду является определение понятия «качество жизни», данное Всемирной Организацией Здравоохранения. Этой организацией качество жизни определяется как «Восприятие человеком своего положения в жизни в контексте культуры и систем ценностей, в которых он живёт, а также в связи с его целями, ожиданиями, стандартами и заботами» (WHOQOL).

Хотя в этом определении речь идёт об оценке человеком качеством своей жизни, это не должно вести к неумеренной психологизации данного понятия. Необходимо принять во внимание, что планка притязаний и уровень удовлетворённости своей жизнью не зависят целиком и полностью от произвольно принятых индивидом установок, но имеют социально и культурно обусловленные основания. К основаниям такого рода, коренящимся в особенностях культурно-цивилизационного развития и этнокультурных тра-

диций, социальной психологии, ментальности и т.д. относятся, например, жизненные стандарты социальной микросреды, на которые ориентируется в оценке своего уровня (стиля, образа, качества) жизни данный конкретный индивид. Разведение по разным полюсам субъективного и объективного методологически недопустимо по отношению к личностно-социальным феноменам. По сути дела, субъективная самооценка всегда выражает характеристики субъективной значимости объективно наличной ситуации, уже включающей в себя ценностно-смысловые параметры, фреймирующие её восприятие индивидуальным и массовым сознанием.

Поэтому в мониторинге качества жизни в равной степени необходимо выявлять как субъективные оценки, так и объективные параметры материальной и духовной сферы социальной жизнедеятельности. Этот принцип в той или иной мере реализуется в большинстве подходов к оценке и индексации разнообразных аспектов качества жизни населения, практикуемых международными и национальными институтами. Характерно, что в сравнительных исследованиях качества жизни, отводящих первенство либо объективным, либо субъективным показателям, распределение стран по шкале рейтингов во многом совпадает. Так, например, в Докладе о человеческом развитии – 2020, подготовленном ООН, список стран по уровню или качеству жизни населения, определяемому на основе Индекса человеческого развития – Human Development Index, – возглавили Норвегия, Ирландия, Швейцария, Гонконг, Исландия (Топ-60...). Казахстан в этом списке занял 50-е место.

В 2021 г. рейтинг стран по уровню процветания – The Legatum Prosperity Index, – опубликованный британским аналитическим центром The Legatum Institute, возглавили Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Швейцария. Казахстан в этом списке, составленном на основе показателей состояния девяти сфер жизни общества (экономика, предпринимательство, управление, образование, здравоохранение, безопасность, личные свободы, социальный капитал, экология), занял 64-ю строчку (Рейтинг... процветания).

По результатам индексирования социального прогресса группой Social Progress Imperative Гарвардского университета первые места в 2021 г. заняли Норвегия, Финляндия, Дания, Исландия, Швейцария. Казахстан оказался на том же 64-м месте, что и в рейтинге стран по уровню процветания (Рейтинг... развития).

В отличие от вышеназванных рейтингов, в представленном экспертами ООН рейтинге стран по «Индексу счастья» населения большую часть критериев составили субъективные оценки людьми уровня своего благополучия. Эти оценки выявлялись в социологических опросах, проводимых Международным исследовательским центром Гэллага – Gallup International. В этих опросах фиксировались такие показатели социально-психологического состояния общества, как чувство безопасности, уверенности в завтрашнем дне; уровень доверия; щедрость; великодушие. Респондентам задавались вопросы о том, много ли они смеются или улыбаются, как часто испытывают негативные эмоции – беспокойство, раздражение, печаль, гнев и т.п. Топ-5 самых счастливых стран мира в 2021 г. выглядит так: Финляндия, Дания, Швейцария, Исландия, Нидерланды. Казахстан в этом списке занял не плохое 45-е место.

Как видно, в списках стран-лидеров в области различных аспектов качества жизни своего населения представлены практически одни и те же страны, происходит ли индексация качества жизни преимущественно по объективным параметрам, или по субъективным оценкам. Общим для этих стран является то, что их народам и правительствам удалось сформировать *хорошее общество* и построить эффективное *социальное государство*.

2 Нормативно-дескриптивная аксиология «Хорошего общества»

Эпитет «благоденствующего», «процветающего», «счастливого» и т.д. общества приложим – да и то с известными оговорками – к странам, добившимся действительно выдающихся успехов в развитии социальной сферы, в обеспечении высокого качества жизни для абсолютного большинства своих граждан, либо к проектам конструирования общества будущего. Например, властями Сингапура поставлена цель создания «Нации Совершенства», или «Умной нации с безграничными возможностями» (Transforming...). Правительством Японии принята программа создания «Общества 5.0», представляющего собой суперинтеллектуальный и супертехнологичный киберфизический социум, в котором «Человек обязан быть счастливым» (Уэмура 2017: 9). Но для большинства современных государств, в том числе и для Казахстана, основная задача реалистичной и прагматичной социальной политики может быть сформули-

рована в следующей редакции: *формирование социальной среды повседневной жизни людей в соответствии с комплексом нормативно-дескриптивных определений и ценностно-смысловых характеристик «хорошего общества».*

Понятие «хорошее общество» достаточно основательно разработано в исследованиях авторитетных представителей западной (Galbraith 1997), (Etzioni 2002) и российской («Хорошее общество»...2003), (Федотова 2005) социальной теории. Используется оно также и в работах отечественных авторов (Аршабеков 2006), (Малинин, Дунаев 2005). В термине «хорошее общество» акцентированно выражено отличие социал-реформистских программ общественных преобразований, направленных на гуманизацию социальных условий повседневной жизни людей данного конкретного общества, от утопических проектов построения совершенного, идеального, образцово устроенного общества. Попытки практической реализации социальных проектов, предполагающих радикальные трансформации фундаментальных структур общественного целого на основе отвлечённых социальных идеалов, неизбежно обращаются в анти-социальные практики, в насилие над обществом и личностью.

В понятии идеального общества необходимо присутствует измерение трансцендентности, возможность лишь асимптотического приближения реальности к идеалу. Нормативно-теоретические определения «хорошего общества» применимы к реально существующим обществам. В то же время представления о том, какое общество следует считать «хорошим», формируются как конгломерат слабо очерченного множества факторов и критериев, признаков и характеристик, их сборок и сочетаний. Эта смысловая многозначность передана уже лексическими средствами, что особо наглядно проявляется в синтагме «Good society». Английское слово «Good» имеет следующие значения: «хороший; приятный; неспорченный; свежий; добродетельный; добрый; любезный; законный; неоспоримый; обоснованный; милый; годный; полезный; искусный; умелый; плодородный; надлежащий; целесообразный; кредитоспособный; надёжный; значительный; здоровый» (Шалаева 2009: 358).

В отличие от утопических картин идеального общества, являющегося таковым «для всех времён и народов», в построении «хорошего общества» аксиология сущего и должного при-

урочена не к абстракции «общества вообще», а к социальным параметрам «жизненного мира» большинства населения конкретной страны. При этом нужно учитывать, что восприятие человеком своего жизненного мира обусловлено не только объективными критериями оценки качества социума по таким параметрам, как макроэкономические и демографические показатели, уровень бедности, доступность и качество услуг здравоохранения, образования, занятость, социальная защищённость и т.д. Это восприятие формируется под воздействием комплекса культурно-исторических, социально-психологических, этнокультурных, профессиональных, социально-статусных, идеологических и т.д. представлений о том, что следует считать хорошим обществом.

Авторы утопий конструировали общество, совершенство которого априорно определяется и автоматически обеспечивается особой организацией общественных порядков. Характерно, что и либеральная идеология хорошего общества, опосредованная, как, например, у К. Поппера, критикой утопической социальной инженерии идеального общества, руководствуются той же самой логикой, тем самым становясь «безнадёжно тоталитарной» (Пятигорский 1996: 155). «Мы должны возрадоваться... Открытые общества, в которых мы живём сегодня, – самые лучшие, свободные и справедливые, наиболее самокритичные и восприимчивые к реформам из всех, когда-либо существовавших» (Поппер 1992: 15). Если авторы утопий вдохновлялись целью пробуждения у своих читателей социально-критической рефлексии, то критика тоталитарных утопий К. Поппером имеет одним из своих мотивов обоснование положения о том, что представление о несоответствии открытого общества идеалам совершенства логически невозможно, свидетельствует о патологических психических отклонениях и равносильно бунту социальных маргиналов против цивилизации, свободы, гуманизма.

Отнюдь не является парадоксом то обстоятельство, что тоталитарное сознание встраивается в структуру либерального мировоззрения, присвоившего себе статус «единственно верного учения» и монополизировавшего прерогативы вынесения ценностных социально-политических и социокультурных суждений. А.С. Панарин отмечает: «Вопреки всяким разглагольствованиям о толерантности, плюрализме, диалоге и прочих реликтах старого либерального сознания, новое

либеральное сознание абсолютно монологично, абсолютно закрыто для апелляций извне, для свидетельств другой позиции и другого опыта» (Панарин 2003: 22). Между тем не фундированный идеологически компаративистский анализ иного культурно-цивилизационного опыта, иных исторически сформировавшихся представлений о хорошем обществе является необходимым условием реалистичных и эффективных программ его построения в данной конкретной стране.

Для многочисленных групп населения ряда стран теократические, идеократические, этнократические принципы социального устройства традиционного общества выступают не просто как приемлемые, но как единственно достойные, единственно отвечающие их ценностно-мировоззренческим установкам. Значительная часть потока мигрантов, хлынувших в европейские страны от ужасов войны и террора, бедности и разрухи, с восторгом и благодарностью воспринимаемая блага западной цивилизации, тем не менее не интегрируется в её нормативно-ценностные порядки. Хотя, с другой стороны, можно даже сказать, что они воспринимают западное общество потребления согласно его собственной, имманентной логике – именно с позиций потребителя благ западной цивилизации. А позиция потребителя не предполагает духовно-нравственной, ценностной инклюзии в порядки хорошего общества западного типа.

Признавая обусловленность представлений о хорошем обществе культурно-цивилизационным контекстом, не следует эту обусловленность абсолютизировать. В основу независимых от относительности культурно-ценностных систем критериев оценки и методик построения нормативно-дескриптивных моделей хорошего общества может быть принят постулат о том, что любая из моделей построения «хорошего общества» предполагает снижение остроты социальных проблем и наличие действенных механизмов их разрешения. Если с этих позиций обратиться к реалиям современного Казахстана и результатам проводимой властями социальной политики, то вырисовывается довольно неприглядная картина.

В социологических опросах населения, проведённых Институтом философии, политологии и религиоведения НАН РК в 2009 г. и в 2021 г., респондентам было предложено оценить важность для них и их семей ряда социальных проблем. Результаты социологического опроса казахстанцев приведены на рисунке 1:

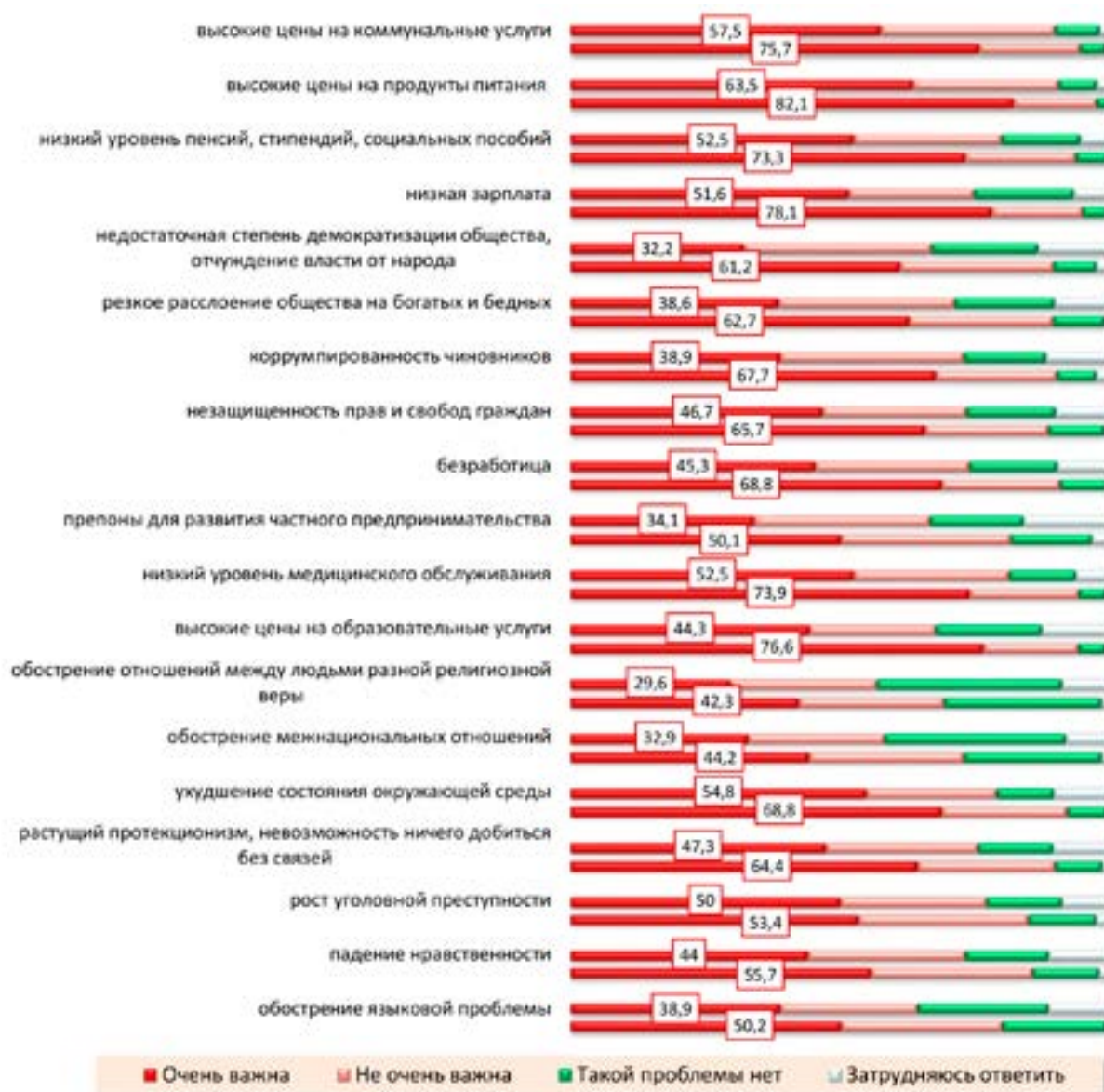

Рисунок 1 – Оцените, пожалуйста, важность для Вас и Вашей семьи перечисленных социальных проблем (верхние ряды – 2009 г., нижние – 2021 г.)

Как следует из диаграммы, представленной на рисунке 1, для абсолютного большинства респондентов все перечисленные социальные проблемы в той или иной степени важны. Причём важность всех проблем (процентная доля ответов «Очень важна») в 2021 г. значительно возросла по сравнению с 2009 г. Но вот что характерно: тенденция к обострению восприятия социальных про-

блем не находится в прямой корреляции с социальным самочувствием. Если обратиться к упомянутому выше «индексу счастья», то, по данным, приводимым в The World Happiness Report, кривая изменения этого индекса для Казахстана за 2013-2021 гг. имеет вид синусоиды с незначительным спадом в 2017-2019 гг. и со значительным повышением в 2020 и 2021 гг. – Рисунок 2.

Рисунок 2 – Казахстан: Индекс счастья 2013 – 2021 гг. (Казахстан...); (100 самых...).

Тем самым лишний раз подтверждается сложность, многофакторность проблемы научного анализа и объективной оценки качества социальной сферы жизнедеятельности в единстве её субъективных и объективных параметров.

3 Правовое и социальное государство

В соответствии с доктринальными основами неоллиберальной идеологии, в «индивидуализированных обществах» (Бауман 2002) «свободного мира» социальные взаимодействия экономически самостоятельных и политически равноправных индивидов как агентов рыночных отношений опосредствуются сугубо безличными и абстрактными социальными институтами. Поэтому универсальным механизмом нормативной регуляции, обеспечения социального порядка, разрешения споров и конфликтов становится юридически-правовая система правового государства. Целью правового государства как такового не может быть государство всеобщего благоденствия, поскольку благо или счастье не могут принять форму строго правового принципа. Моралистические обоснования вмешательства государства в социальные порядки гражданского общества не имеют никакой легитимной основы в правовом государстве, поскольку, как учил И. Кант, трансцендентальным принципом публично-правового устройства общества является формула: «...ни один не может принудить меня быть счастливым так, как он хочет (так, как он представляет себе благополучие других)» (Кант 1965: 79). Соответственно, государственный патернализм, пусть даже облаченный в тогу меритократии, воспринимается как отход от нормативно-правового комплекса либеральной демократии к традиционализму, архаике, авто-

ритаризму: «*Правление отеческое (imperium paternale)... есть величайший деспотизм, какой только можно себе представить*» (Кант 1965: 79).

Но означает ли это, что государственный патернализм скомпрометирован как таковой, или же его тотальная дискредитация справедлива лишь в рамках политической философии либерализма? С позиций этико-политической философии конфуцианства «хорошим» может считаться лишь такое общество, которое в обязательном порядке располагает *метаправовой* инстанцией как основой достижения социальной гармонии и справедливости. В отсутствие этой инстанции общество и государство неизбежно вступают на путь деградации и конечного разрушения. При этом институт метаправовой регуляции в традиционалистских обществах, как правило, персонализирован в лице мудрого, отечески строгого, но справедливого правителя. Если только сам правитель неукоснительно подчиняется нравственным императивам, как он того требует от простолюдинов, то такой правитель не деспот и не тиран. Таким образом, принцип *нравственного самоограничения* патерналистского правления в конфуцианстве структурно воспроизводит требование *законодательного самоограничения* политической власти как принцип либерально-правовых концепций Запада. В странах дальневосточного региона, придерживающихся конфуцианских традиций, не придаётся нормативного значения принципу конституционно-правового ограничения государственной власти. Напротив, считается, что стремление облечь все конфликты, притязания, спорные ситуации в юридически-правовую форму свидетельствует о духовной ущербности общества, о его *варварском*,

недостойном цивилизованного человека состоит. Добропорядочный гражданин «хорошего общества», исповедующий верность конфуцианским добродетелям человечности и социальной гармонии, избегает обращения к органам правосудия. «К тем, кто хочет строить свою жизнь, руководствуясь законами и игнорируя приличия и правила хорошего поведения, не испытывают ничего, кроме презрения» (Давид, Жоффре-Спинози 1999: 27). Некоторые западные исследователи склонны разделить такой подход к определению особенностей нормативной регуляции «хорошего общества». Например, А. Этциони приходит к следующему выводу: «Строго говоря, “хорошее общество” – это не только и не столько общество, основанное на законе и порядке, сколько общество, основанное на общности моральных ценностей, разделяемых его членами» (Etzioni 2002: 92).

Должны ли в «хорошем обществе» править люди или законы? Должно ли оно опираться на нравственные нормы и этические кодексы, или на правовые регламентации? На жёсткий формализм юридических законов или на ценности гуманизма, альтруизма, бескорыстия, человеческой доброты и солидарности? В самой постановке такого вопроса, исходящего из противопоставления этической и юридической нормативности, содержится невозможность ответа из-за ложности его основания. Достойный уровень жизни является не только моральным постулатом, но и правом гражданина. Вопреки установкам теоретиков законодательного позитивизма, никакая законодательная система не может обойтись без подчинения институтов разработки, принятия и применения законов критериям справедливости, добрых нравов и публичного порядка. «Бесчеловечный тоталитаризм легизма мог лишь оттенить этическое превосходство конфуцианства» (Васильев 1988: 195-196).

Противопоставление правового и социального государства, на чём настаивал, например, Ф. фон Хайек, вытекает как раз из легистского отрицания совмещения норм закона с социально-гуманистическими принципами. Основоположник концепции социального государства Л. Фон Штейн указывал, что первой обязанностью

социального государства является обеспечение им своей властью абсолютного равенства в правах как неременного условия экономического и социального благополучия граждан. Социальное государство является не антитезой, но качественно иным, более высоким уровнем развития и функциональной комплексности правового государства. Таким образом, социальное государство может сформироваться только на базе правового государства, и вместе с тем оно предполагает признание недостаточности и преодоление узости рамок юридического равноправия, легитимирующего социально-экономическое неравенство. Имплементация в нормативно-регулятивные функции правового государства принципов социального государства происходит посредством внесения в конституции и правовые кодексы статей, оговаривающих социальные обязательства и гарантии государства, принятия такого класса прав, как социальные права индивидов и различных групп общества. Социальные права – это уже не сугубо юридическая, но этико-правовая конструкция.

В литературе существует ряд определений социального государства, его концепций и моделей практической реализации. В частности, выделяются такие типы социального государства, как либеральное (максимально правовое, но минимально социальное государство, реализующее принципы *Laissez-faire* рыночного либерализма, вместе с тем оказывает ограниченный и строго адресный объём социальных услуг), консервативно-корпоративистское (допускается государственное вмешательство в рыночную экономику с целью обеспечения всех граждан достойным уровнем существования) и социал-демократическое (солидарное участие всех граждан в финансировании системы социального обеспечения, достижение наименьшей степени разрыва в доходах на основе прогрессивной шкалы налогообложения). Эти типы социального государства можно также определить как его англосаксонские (модель Бевериджа), континентальные (модель Бисмарка) и скандинавские модели, выделенные в типологии европейских моделей социального государства, составленной В.В. Антроповым – Таблица 1.

Таблица 1 – Модели социального государства в странах ЕС (Антропов 2021: 12)

	Скандинавская модель	Англосаксонская модель	Континентальная модель	Южноевропейская модель
• Основная ответственность	Государство	Государство	Государство	Семья и церковь
• Уровень перераспределения доходов	Высокий	Средний	Ограниченный	Ограниченный
• Степень охвата социальными услугами	Все население	Все население	Все работающие	Преимущественно малоимущие
• Источники финансирования	Налоги	Налоги	Страховые взносы	Страховые взносы и другие источники
• Управление	Государство / профсоюзы	Государство	Страховые самоуправляемые организации	Страховые самоуправляемые организации

Ограниченный объём настоящей статьи не даёт возможности развить тему типов и моделей социального государства. Укажем лишь, что, подобно тому, как почти все государства современного мира объявляют себя демократическими (например, та же Северная Корея именуется народно-демократической республикой), так и большая часть государств (в том числе и Казахстан), если руководствоваться такого рода типологиями, может претендовать на статус социальных. Между тем принципиальной ошибкой было бы сведение социального государства к выполнению таких социальных функций государства, как выделение в бюджете статей на социальные расходы; предоставление нуждающимся гражданам социальной поддержки и социальных гарантий; перераспределение доходов от предпринимательской деятельности посредством соответствующей налоговой и инвестиционной политики; поощрение благотворительной деятельности и прямое участие в ней, в том числе в форме создания разного рода фондов на основе партнёрства государства и негосударственных организаций.

Социальная ответственность государства не должна пониматься как государственная опека над обществом в целом или его отдельными группами. Также социальная политика не сводится к механизмам справедливого или направленного на вспомоществование социально незащищённым слоям населения перераспределения национального богатства (в том числе на основе механизмов коммодификации – замещения рыночных механизмов распределения государственным обеспечением). Если это перераспределение будет проводиться неподконтроль-

ми обществу бюрократическими институтами методом администрирования по созданным этими институтами схемам, то возникнет лишь имитация социального государства. Социальное государство предполагает возникновение качественно иного типа власти, ставящей себя под контроль гражданского общества. Социальное государство – это особая форма интеграции общественного целого, направленная на преодоление взаимного отчуждения человека, общества и государства, на актуализацию духовной основы их единства, создание эффективных социальных технологий и механизмов и выстраивание оптимальной системы их взаимоотношений.

Следует различать понятие социального государства от концепции государства в идеологии этатизма. В этой концепции закрепляются такие прерогативы и эксклюзивные функции государства, как статус держателя монополии на агрегирование и выражение воли, интересов, чаяний народа. Принятие всей полноты функций социально ответственного государства интерпретируется в этой политико-идеологической доктрине как право и обязанность государства целенаправленно формировать и контролировать функционирование всей сферы социальной жизнедеятельности, включая частную жизнь граждан и их образ мышления. Нахождение индивидуальной для каждого конкретного государства на данном этапе его развития локализации между крайностями государственного патернализма, «дирижизма» и ограничением государства ролью «ночного сторожа», его самоустранением от регулирования стихии рынка – важнейшее условие проведения ответственной и эффективной социальной политики.

В либеральных моделях социальной политики диапазон воздействий государства на социальную сферу подлежит свободному выбору и определяется политической конъюнктурой, состоянием экономики и социальной сферы и т.д. Построение «государства всеобщего благосостояния» выступает здесь как одна из возможностей, но не как императивное требование. Практически эта установка реализуется как балансирование, подвижный компромисс между принципом социальной ответственности бизнеса и государственным регулированием экономики, с одной стороны, и либеральной и неконсервативной политикой рыночного фундаментализма, с другой стороны. До сих пор социальная политика в нашей стране выстраивалась в этой контекстуально-ситуативной парадигме и её эклектичной логике. Между тем становление социального государства – это не вопрос выбора стратегии и тактики государственного строительства, но конституционная обязанность правительства Республики Казахстан.

В 1980-е гг. обозначился кризис государства всеобщего благосостояния. Оказалось, что в мире глобальной конкурентной борьбы «Социальное государство... слишком дорогое удовольствие, его хватает только на немногих». (Филиппов 1999: 29). Но и в странах – лидерах экономического и научно-технологического прогресса происходит более или менее интенсивное свёртывание дорогостоящих социальных программ и идёт демонтаж институтов государства социального благосостояния – «одного из величайших завоеваний человечества и достижений цивилизованного общества» (Бауман 2002: 90). Вместе с тем этот кризис является, по сути дела, не кризисом социального государства как такового, а кризисом социального государства, возводимого на иррациональном фундаменте жизненных стандартов и ценностей общества потребления. В основу грамотной социальной политики правительства Казахстана должно быть заложено ясное понимание того, что принятие курса на построение социального государства не только *этически* обоснованно и *политически* целесообразно. Приоритетное развитие социальной сферы, как и сферы науки, культуры, образования, ведёт, в долгосрочной перспективе и в конечном счёте, к повышению конкурентоспособности и экономической эффективности рыночного хозяйства.

Заключение

К. Маркс писал: «Человек – это *мир человека*, государство, общество». (Маркс 1955: 414). Это аксиоматическое положение социальной философии фактически воспроизвёл президент страны К.К. Токаев в своём выступлении на заседании мажилиса парламента Республики Казахстан 11 января 2022 года, подчеркнув: «Государство и граждане – это единое целое. Эти понятия неделимы» (Выступление...). Их неделимость на практике реализуется в модели социального государства, каковым, по Конституции, является Казахстан. Становление социального государства – это оптимальный путь обеспечения социальной стабильности и политической лояльности граждан; устойчивого экономического развития; решения проблемы позитивно-синергетического взаимодействия, гармонического соединения принципов экономической эффективности и социальной справедливости, общего блага и частных интересов, свободы и ответственности. Политический курс на реализацию конституционного закреплённого принципа социального государства – это курс на создание социальной инфраструктуры целостного личностного развития, интегрированной с рыночными механизмами хозяйственно-экономической деятельности и демократическими принципами организации общественно-политической сферы жизни.

Повышение качества жизни основной массы населения, создание «хорошего общества» и становление социального правового государства – триединая задача нового этапа социальной политики Республики Казахстан. Причём решение этой фундаментальной для судеб страны задачи должно стать как долгосрочной стратегией, так и быть поставлено в актуальную повестку комплексной модернизации казахстанского общества. Экономическую, научно-технологическую, образовательную, культурную политику необходимо ориентировать на решение этой задачи как на свою основную цель. Она должна быть имплементирована в модели модернизации политической системы, реформирования сферы образования, в приоритетную тематику исследований научных институтов социально-гуманитарного профиля, в деятельность идеологических институтов государства и политических партий.

Как мы попытались показать в настоящей статье, в научной разработке обозначенных ключевых понятий социальной политики остаётся множество белых пятен. Ещё большей неопределённостью характеризуется сфера эффективных технологий социальной политики и оптимальных в условиях современного Казахстана моделей их практической реализации. Первым шагом к преодолению сложившейся ситуации должна стать широкая и представительная научная дис-

куссия по концептуальным основам новой модели социальной политики Республики Казахстан, прежде всего – по доктрине и стратегии формирования социального государства.

Исследование проведено в рамках финансирования КН МОН РК – грант BR10965263: «Социальная модернизация казахстанского общества: идейно-мировоззренческие основания, концептуальные модели, социокультурные процессы, социально-политические технологии».

Литература

- «Хорошее общество»: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества. (2003). – М.: ИФРАН. 182 с.
100 самых счастливых стран мира: рейтинг 2021 года. – URL: <https://top-ru.ru/places/548-rejting-stran-po-urovnyu-schastya.html>
- Антропов В.В. (2021). Социальное государство: от теории к практике // Экономика. Налоги. Право. № 14 (2). С. 6-15. Doi: 10.26794/1999-849x-2021-14-2-6-15
- Аристотель (1984). Политика // Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Т. 4. – М.: Мысль. С. 375-644.
- Аршабеков Н.Г. (2006). Философия социальных изменений. – Караганды: Болашак-Баспа. 405 с.
- Бауман З. (2002). «Разве я сторож брату моему?» // Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос. С. 89-103.
- Большой современный англо-русский словарь / Г.П. Шалаева. (2009). – М.: АСТ: СЛОВО. 848 с.
- Васильев Л.С. (1988). Этика и ритуал в трактате «Ли цзи» // Этика и ритуал в традиционном Китае. Сборник статей. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». С. 173-201.
- Выступление Главы государства К.К. Токаева на заседании Мажлиса Парламента Республики Казахстан. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kk-tokaeva-na-zasedanii-mazhilisa-parlamenta-respubliki-kazahstan-1104414>
- Давид Р., Жоффре-Спинози К. (1999). Основные правовые системы современности: Пер. с франц. В.А. Туманова. – М.: Международные отношения. 400 с.
- Дугин А. Геополитика постмодерна. – URL: http://royallib.com/book/dugin_aleksandr/geopolitika_postmoderna.html
- Казахстан: индекс счастья. – URL: <https://ru.theglobaleconomy.com/Kazakhstan/happiness/>
- Кант И. (1965). О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 2. – М.: Мысль. С. 59-106..
- Курганская В.Д., Дунаев В.Ю., Судакова Г.Г. (2010). Европейский опыт применения социальных практик в укреплении межэтнической толерантности и развитии гражданских институтов: Научно-аналитический отчёт. – Алматы: Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение». 200 с.
- Малинин В.Г., Дунаев В.Ю. (2005). Человек и социальное государство. – Алматы: Институт философии и политологии МОН РК. 235 с.
- Маркс К. (1955). К критике гегелевской философии права. Введение. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 1. – М.: Госполитиздат. С. 414-429.
- Панарин А.С. (2003). Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Алгоритм. 560 с.
- Поппер К.Р. (1992). Письмо моим русским читателям // Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива». С. 7-17.
- Пятигорский А.М. (1996). Реакция философии на тоталитаризм (Не-методологические заметки о возможности анархической философии) // Пятигорский А.М. Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры». С. 147-158.
- Рейтинг стран мира по уровню процветания / Гуманитарный портал: Исследования. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index>
- Рейтинг стран мира по уровню социального развития / Гуманитарный портал: Исследования. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/social-progress-index>
- Соловьёв В.С. (1988). Три речи в память Достоевского // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль. С. 289-323.
- Топ-60 стран мира по уровню жизни населения 2021. – URL: <https://top-ru.ru/places/121-rejting-stran-po-urovnyu-zhizni.html>
- Уэмура Н. (2017). Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегии. № 4. С. 1-11.
- Федотова В.Г. (2005). Хорошее общество. – М.: Прогресс-Традиция. 544 с.
- Филиппов А.Ф. (1999). Теоретическая социология // Теория общества. Сборник. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. С. 7-34.
- Etzioni A. (2002). The Good Society // Seattle Journal of Social Justice. Vol. 1. Issue 1. P. 83-96.
- Galbraith J.K. (1997). The Good Society: The Humane Agenda. Boston – N. Y.: Houghton Mifflin Harcourt. 160 p.
- Transforming SG Throw Technology // Smart Nation Singapore. – URL: <https://www.smartnation.gov.sg/about-smart-nation/transforming-singapore>
- WHOQOL: Measuring Quality of Life. – URL: <https://www.who.int/tools/whoqol>

References

- «Horoshee obschestvo»: Social'noe konstruirovaniye priemlemogo dlya zhizni obschestva. (2003). [“Good society”: Social construction of a society acceptable for life]. – M.: IFRAN. 182 s.
- 100 samykh schastlivykh stran mira: rejting 2021 goda. [100 happiest countries in the world: ranking 2021]. – URL: <https://top-rf.ru/places/548-rejting-stran-po-urovnyu-schastya.html>
- Antropov V.V. (2021). Social'noe gosudarstvo: ot teorii k praktike. [Social state: from theory to practice]. // `Ekonomika. Na-logi. Pravo. № 14 (2). S. 6-15. Doi: 10.26794/1999-849x-2021-14-2-6-15
- Aristotle (1984). Politika [Politics] // Aristotle. Sochineniya v chetyreh tomah. T. 4. – M.: Mysl'. S. 375-644.
- Arshabekov N.G. (2006). Filosofiya social'nyh izmenenij. [Philosophy of social change]. – Karagandy: Bolashak-Baspa. 405 s.
- Bauman Z. (2002). «Razve ya storozh bratu moemu?» [“Am I my brother's keeper?”]. // Bauman Z. Individualizirovannoe obschestvo. – M.: Logos. S. 89-103.
- Bol'shoj sovremennyy anglo-russkij slovar' [Big Modern English-Russian Dictionary] / G.P. Shalaeva. (2009).- M.: AST: SLO-VO, 848 s.
- Vasil'ev L.S. (1988). `Etika i ritual v traktate «Li czi». [Ethics and ritual in the treatise “Li ji”]. // `Etika i ritual v traditsionnom Kitae. Sbornik statej. – M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka». S. 173-201.
- Vystuplenie Glavy gosudarstva K.K. Tokaeva na zasedanii Mazhilisa Parlamenta Respubliki Kazahstan. [Speech by the Head of State K.K. Tokayev at a meeting of the Majilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan]. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kk-tokaeva-na-zasedanii-mazhilisa-parlamenta-respubliki-kazahstan-1104414>
- David R., Zhoffre-Spinozi K. (1999). Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti [Basic legal systems of the present]: Per. s franc. V.A. Tumanova. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 400 s.
- Dugin A. Geopolitika postmoderna. [Postmodern Geopolitics]. – URL: http://royallib.com/book/dugin_aleksandr/geopolitika_postmoderna.html
- Kazahstan: indeks schast'ya. [Kazakhstan: index of happiness]. – URL: <https://ru.theglobaleconomy.com/Kazakhstan/happiness/>
- Kant I. (1965). O pogovorkе «Mozhet byt', `eto i verno v teorii, no ne goditsya dlya praktiki» [On the proverb “Maybe this is true in theory, but it is not suitable for practice”]. // Kant I. Sochineniya v shesti tomah. T. 4. Ch. 2. – M.: Mysl'. S. 59-106.
- Kurganskaya V.D., Dunaev V.Yu., Sudakova G.G. (2010). Evropejskij opyt primeneniya social'nyh praktik v ukreplenii mezh'etnicheskoj tolerantnosti i razvitiu grazhdanskikh institutov: Nauchno-analiticheskij otchet. [European experience in the application of social practices in strengthening interethnic tolerance and the development of civil institutions: Scientific and analytical report]. – Almaty: Associaciya obschestvennykh ob`edinenij nemcev Kazahstana «Vozrozhdenie». 200 s.
- Malinin V.G., Dunaev V.Yu. (2005). Chelovek i social'noe gosudarstvo. [Man and the social state]. – Almaty: Institut filosofii i politologii MON RK. 235 s.
- Marx K. (1955). K kritike gegelevskoj filosofii prava. Vvedenie. [To the criticism of the Hegelian philosophy of law. Introduction]. // Marx K., Engels F. Sochineniya. Izdanie vtoroje. T. 1. – M.: Gospolitizdat. S. 414-429.
- Panarin A.S. (2003). Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke. [Strategic instability in the XXI century]. – M.: Algoritm. 560 s.
- Popper K.R. (1992). Pis'mo moim russkim chitatelyam. [Letter to my Russian readers]. // Popper K.R. Otkrytoe obschestvo i ego vragi. T. 1: Chary Platona. – M.: Feniks, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaya iniciativa». S. 7-17.
- Pyatigorskij A.M. (1996). Reakciya filosofii na totalitarizm (Ne-metodologicheskie zametki o vozmozhnosti anarhicheskoj filosofii). [Reaction of Philosophy to Totalitarianism (Non-Methodological Notes on the Possibility of Anarchist Philosophy)]. // Pyatigorskij A.M. Izbrannye trudy. – M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury». S. 147-158.
- Rejting stran mira po urovnyu procvetaniya. [Ranking of countries in terms of prosperity]. / Gumanitarnyj portal: Issledovaniya. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index>
- Rejting stran mira po urovnyu social'nogo razvitiya. [Rating of the countries of the world by the level of social development] / Gumanitarnyj portal: Issledovaniya. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/social-progress-index>
- Solov'ev V.S. (1988). Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo. [Three speeches in memory of Dostoevsky]. // Solov'ev V.S. Sochineniya v 2 t. T. 2. – M.: Mysl'. S. 289-323.
- Top-60 stran mira po urovnyu zhizni naseleniya 2021. [Top 60 countries in the world in terms of living standards 2021]. – URL: <https://top-rf.ru/places/121-rejting-stran-po-urovnyu-zhizni.html>
- Uemura N. (2017). Obschestvo 5.0: vzglyad Mitsubishi Electric. [Society 5.0: Mitsubishi Electric View]. // `Ekonomicheskie strategii. № 4. S. 1-11.
- Fedotova V.G. (2005). Horoshee obschestvo. [Good society]. – M.: Progress-Tradiciya. 544 s.
- Filippov A.F. (1999). Teoreticheskaya sociologiya. [Theoretical sociology]. // Teoriya obschestva. Sbornik. – M.: KANON-press-C, Kuchkovo pole. S. 7-34.
- Etzioni A. (2002). The Good Society // Seattle Journal of Social Justice. Vol. 1. Issue 1. P. 83-96.
- Galbraith J.K. (1997). The Good Society: The Humane Agenda. Boston – N. Y.: Houghton Mifflin Harcourt. 160 p.
- Transforming SG Throw Technology // Smart Nation Singapore. – URL: <https://www.smartnation.gov.sg/about-smart-nation/transforming-singapore>
- WHOQOL: Measuring Quality of Life. – URL: <https://www.who.int/tools/whoqol>